

## КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ.

Подобаетъ прежде всего вѣдать, что на основаніи словъ Христа и Бога нашего, которыя сказалъ Онъ, когда преподавалъ тѣло и кровь свою подъ видомъ хлѣба и вина, говоря: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, святая Церковь не только употребляла свою силу и власть на то, чтобы предлагать и премѣнять хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы, но и заботилась надъ этимъ тѣломъ и кровью Христовою совершать обстоятельнѣйшее воспоминаніе всего домостроительства таинства воплощенія, т. е. смерти, воскресенія и пр. Поэтому, основываясь на томъ, что мы совершаемъ это воспоминаніе, пусть никто не думаетъ, будто мы просто представляемъ только образы тѣла и крови Христовой и смерти, тогда какъ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ,— бываетъ самое тѣло (Спасителя) въ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ и надъ нимъ мы совершаемъ воспоминаніе смерти Его и прочихъ

тайствъ, какъ изъясняетъ то Павель, говоря: *ели жды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сию пите, смерть Господню возвѣщаєте* (1 Кор. 11, 26). Но поемку смерть предполагаетъ рожденіе Господа, проповѣданіе евангелія, чудеса, избраніе Апостоловъ и прочія тайны, которыя Онъ совершилъ прежде страданія и воскресенія, за которыя и былъ распятъ; то Церковь и озабочилась составить Литургію такъ, чтобы она обнимала все таинство вочеловѣченія Сына Божія, отъ начала до конца—отъ рожденія даже до Вознесенія и Возсвѣденія одесную Бога и Отца, и чтобы все это представляла она чувствуя чадъ въ вещественныхъ символахъ и въ видимыхъ вещахъ, дабы ими они были путеводимы къ невещественому и премірному. А такъ какъ было бы неудобно для этого употреблять столько же вещественныхъ знаковъ, сколько было дѣль и страданій Господа; то она одной и той же вещи усвоила много значеній, смотря по различію времени, мѣста и словъ, такъ что напр. покровъ чаши можетъ означать то одно таинство, то другое, какъ это увидимъ ниже. Но не соблюдается на литургіи и самый порядокъ таинствъ приимнительно къ порядку времени, въ которое Христосъ ихъ преподавалъ, а изображаются опио—дни прежде, другія послѣ; такъ святое пріобщеніе, которое Христосъ преподалъ ученикамъ своимъ предъ страданіемъ, мы совершаемъ уже послѣ воспоминанія Его смерти и воскресенія. Начало же таинствамъ полагается такимъ образомъ.

Прежде всого приносять въ церковь просфору, и она означаетъ Дѣву Марію, когда родители вели ее во храмъ Господень,—и священникъ, подражая пророку Захаріи, вносить ее внутрь Святаго Святыхъ на особое мѣсто, чтобы такимъ образомъ приготовить ее для приношения, въ прообразованіе того времени, которое провела тамъ внутри Дѣва. Взимая оттуда, священникъ несетъ ее на предложеніе, означая путешествіе, которое совершила всесвятая вмѣстѣ съ Іосифомъ въ Виолеемъ, для записи. Будучи тогда непраздною (почему и просфора имѣеть на себѣ отпечатлѣнное имя Иисуса Христа), родила въ вертепѣ; потому что, по причинѣ стеченія народа, она не имѣла другаго пристанища. И на это указываетъ видъ предложенія, которое округляется и имѣеть средину выпуклую. Тогда Матерь положила отроча во ясляхъ, — и (въ Церкви) есть дискось во образъ этихъ яслей. Покровы же указываютъ на пелены, о которыхъ говорить Лука: *повитъ его и положи его во яслѣхъ* (Лук. 2, 6). Звѣзды указываютъ на звѣзду, явившуюся волхвамъ; а кадильница и куренія, возносимыя на предложеніе, образуютъ дары волхвовъ—золото, ливанъ и смирну. Но поелику пророкъ Исаія говоритъ, что Сынъ (т. е. Божій) послѣ того, какъ родился отрочатѣй и *да дадеся намъ*, имѣль начальство или царство *на рамъ своемъ* (Ис. 9, 6), чѣмъ указывается на крестъ, чрезъ который Онъ воцарился надъ народами, да и самъ Христосъ говоритъ, что человѣкъ рождается не на дру-

гой конецъ, какъ на тотъ, чтобы умереть, ибо и *Сынъ человъческій не пріиде , да послужатъ ему , но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мато. 20, 26); поэтому Церковь съ однимъ и тѣмъ же временемъ и мѣстомъ соединяетъ воспоминаніе и рожденія и смерти Иисуса , особенно когда, при воспоминаніи Его рожденія отъ Дѣвы, изображаетъ и Его закланіе, говоря: *яко овча на заколеніе веденъ былъ еси, Христе Царю*, и другія изреченія о страданіи Господа, которыя предъизрекли Пророки, какъ обѣ имѣвшемъ совершились, и провозвѣстили Апостолы, какъ о совершившемся. А чтобы священникъ могъ отобразить закланіе Иисуса на частицѣ хлѣба, онъ обращаетъ ее нижнею стороною къ верху, какъ бы гортань агнца , ибо такъ закалается агнецъ. Уязвляетъ онъ ее и въ бокъ съ правой стороны. И поелику изъ него у Спасителя изыде кровь и вода , а Іоаннъ, присутствовавшій при этомъ, увидѣвъ, принялъ ихъ (какъ нѣкоторые пишуть) въ одинъ изъ сосудовъ, которые заключали въ себѣ желчь и оцетъ, и въ нихъ сохранилъ кровь Христову и воду. — и онъ соблюдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до сего дня; то Церковь во образъ того сосуда имѣеть святой потиръ, въ который вливаетъ нынѣ въ началѣ(Литургіи) вино и воду; въ-послѣдствіи же по освященіи (даровъ) онъ дѣляется образомъ того потира, въ которомъ Господь преподалъ ученикамъ кровь свою. И соотвѣтственно симъ двумъ таинствамъ, т. е. рожденью и распятію,

*предложеніе* можетъ означать двѣ вещи : соотвѣтственно одному—вертепъ, соотвѣтственно другому—Голгоѳу; также—и покровы рожденіемъ указываютъ на пелены, крестомъ на новую плащаницу и сударь. Надъ предложеніемъ также кадятъ, потому что сей рожденный и распятый Іисусъ чрезъ крестъ воцарился надъ всѣми народами *и царствію его не будетъ конца* (Лук. 1, 33). А поелику Онъ молилъ Отца своего, да будутъ слуги его тамже, гдѣ и Онъ; то мы полагаемъ вокругъ его всѣ чины святыхъ, начиная отъ Дѣвы, которая предстоитъ одесную Его, а ниже ея частицы Предтечи и потомъ святыхъ Апостоловъ и Пророковъ, Мучениковъ и Учителей и другихъ — въ три ряда, какъ бы они предстояли (Христу), также частицы и ангельскихъ чиновъ на небеси, такъ какъ находящееся у насъ священнодѣйствіе есть подобіе небесной іерархіи, какъ говорить св. Діонисій Ареопагитъ. Ниже этихъ тройныхъ рядовъ мы полагаемъ также частицы живыхъ и усопшихъ, которыхъ воспоминая, мы желали бы, чтобы, когда благоволить, пришелъ Судія живыхъ и мертвыхъ, сей Іисусъ. Въ этомъ отношеніи предложеніе уже является собою престолъ царствія Господа нашего Іисуса Христа и престолъ благодати, которому мы нынѣ предстоимъ, ища отпущенія нашихъ грѣховъ, и въ будущее пришествіе имѣемъ предстать для того, чтобы дать отчетъ о своихъ дѣлахъ. Послѣ этихъ четырехъ вещей, о которыхъ воспоминаніе мы совершаємъ на святомъ

предложеніи, т. е. послѣ рожденія, страданія, престола благодати и престола суда, другія ве-ши мы относимъ къ своимъ временамъ и мѣс-тамъ. Обращаемся же къ рожденію, — и отъ него лигургія идетъ впередъ такимъ образомъ. Сперва священникъ, покадивъ святое предло-женіе и весь олтарь, благодарить Бога и Спа-сителя нашего Іисуса Христа о томъ, что Онъ тако изволилъ и тако повелѣлъ. Потомъ возсы-лая человѣколюбію Его ту славу, которую про-возвѣстили Ангелы при рожденіи Его, говорить: *слава въ вышнихъ Богу*, тихо про себя; такъ какъ и Ангелы открыли ее однимъ пастырямъ. Между тѣмъ нижнія двери оставляетъ затворен-ными, а завѣсу или верхнія двери поднимаетъ, чтобы показать, что съ начала не міръ дольній, т. е. не народъ грубый и простой узналь тогда о рожденіи Христовомъ и домостроительствѣ, но одни возвышенные и богоподобные люди, которымъ онъ благоволилъ открыть оное, ка-кіи были Пророки, Патріархи, Дѣва, Іосифъ, пастыри, волхвы,—и за тѣмъ говорить: *благо-словенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*. Мы упоминаемъ здѣсь о таинствѣ свя-тыя Троицы по причинѣ воспоминанія о до-мо-строительствѣ воплощенія. Тогда какъ вечерню, которая означаетъ примрачное познаніе и начало боговѣдѣнія, начинаемъ словами: *благо-словенъ Богъ нашъ*, а утреню, которая указы-ваетъ на свѣтъ ветхаго закона, словами: *слава святъ и единосущъ и животворящий и нераздѣльный Троицъ*; святую Литургію

начинаемъ возгласомъ: *благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа.* Это—ради того, что сперва мы избѣжали идолопоклонства, познавъ, что истинный Богъ есть творецъ всякаго созданія въ мірѣ, потомъ по прикровеннымъ вѣщаніямъ пророковъ познали, что Онъ трупостасенъ, напослѣдокъ, по вочеловѣченіи Бога Слова, содѣжалось для нась ясно, что сіи три честаси не иныя, какъ только Отецъ Сынъ и Духъ Святый,—въ оныя мы крестились и такимъ образомъ совершились въ богоизбраниіи. Далѣе произносятся мирныя прошенія и молитвы; такъ какъ божественная Литургія служить не только воспоминаніемъ Христовыхъ страданій (какъ мы сказали), но и ходатайствомъ предъ Богомъ о нашихъ согрешеніяхъ. Тогда пѣвцы, изображая Пророковъ, поютъ изъ ветхозавѣтнаго Писанія: *благослови, душа моя, Господь,*—и: *хвали, душа моя, Господа;* потому что, хотя домостроительство воплощенія Слова и было скрыто отъ другихъ людей, какъ сказано выше, но для пророковъ и прародителей оно было открыто и служило для нихъ предметомъ чаяній и пѣснословій. Какъ скоро бывають прочтены эти пѣсни, мы изображаемъ то, какъ Христосъ возрасъ и началъ проповѣданіе Евангелія. Первое наставленіе, которое Онъ преподалъ и съ которыемъ явился міру, было: *благослови иниции духомъ,* и пр. Поэтому тогда открываются и нижнія двери и въ нихъ показывается священникъ, лицомъ къ народу, чтобы изобразить Христа, проповѣдующаго Еван-

геліе народу. Но такъ какъ Онъ съ проповѣдію Евангелія не оставался только въ Іерусалимѣ, но ходилъ и въ другія мѣста и страны, какъ самъ говорилъ: *иdemъ въ имѣющіеся пригороды, или въ ближнія вesi и грады, да и тамо проповѣмы: на сie бо изыдохъ* (Марк. 1, 38); по этому священникъ, неся въ рукахъ Евангеліе, исходить вонъ къ народу и говоритъ: *премудрость проста* (*σοφіа ѿδїή*), т. е. это Евангеліе есть мудрость истинная, вѣрная и надежная, а не мудрость еллинская, которая вовлекала людей въ идолопоклонство. И мы, языческій народъ, показывая, что съ радостію приняли Евангеліе, отвѣтствуемъ пѣніемъ: *приидите поклонимся*. Впереди же священника несется лампада и означаетъ и предтечу Іоанна, о которомъ написано: *уготовахъ свѣтильникъ помазанному моему* (Пс. 131, 17), а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ пророковъ, которые до Христа возвѣщали его пришествіе. Лампада эта указываетъ также на то, что сей законъ Божій есть *свѣтильникъ ногамъ нашимъ* (Пс. 118, 105), и на слова: *ходите во свѣтѣ, дондеже свѣтъ имате* (Іоан. 12, 35) и: *вѣруйте во сѣть, да сынове свѣта будете* (—36). Проповѣдуя Евангеліе, Іисусъ собиралъ Апостоловъ и посыпалъ ихъ, чтобы они и сами проповѣдали слово Его. Посему читается Апостолъ. Но Іисусъ и снова начиналъ проповѣдывать и творить чудеса. Поэтому читается и Евангеліе или діаконъ, который указываетъ на Апостоловъ, или же священникомъ, который представляетъ со-

бою Христа, а Евангеліе содержитъ въ себѣ индѣ ученіе Господа, индѣ же чудеса. Между тѣмъ, во время Апостола и Евангелія, воскуряется оиміамъ въ озnamенованіе того, что проповѣдуемое слово Божіе служить благоуханіемъ для Церкви, какъ говорилъ Павелъ, Учитель языковъ: *Христово благоуханіе есмы Богои* (2 Кор. 2, 15). Доселѣ слѣдуютъ таинства въ указанномъ порядкѣ тогда, когда служить одинъ священникъ, или же виѣстѣ съ діакономъ, изъ чего явно, когда надлежитъ отворять великія двери святаго олтаря, т. е. когда начнутся блаженны,—и остаются онѣ отворенными, пока не начнутся молитвы объ оглашенныхъ. Тогда нижнія двери запираются, такъ какъ святое сокрываются отъ непосвященныхъ.

Когда же служить Архіерей, тогда мы представляемъ и другія таинства. Іерархъ, стоя для облаченія въ священническія одежды виѣ алтаря, предъ народомъ, являетъ собою Христа, который пришелъ въ міръ взыскать овцу, заблудившую въ горахъ, оставилъ на небѣ девяносто девять не заблудившихъ, т. е. небесныхъ ангеловъ. А небо изображается чрезъ святой олтарь. Іисусъ, обрѣть свое овча долу на землѣ, возложилъ его на оба свои рамена, т. е. на Божество и человѣчество. По этому и Архіерей возлагаетъ на оба свои рамена омофоръ; а вокругъ его стоятъ всѣ священники и діаконы, прислушивая ему по чину своему, какъ Ангелы, которые служили Христу нѣкогда на горѣ, послѣ Его крещенія и побѣды надъ діаволомъ, какъ

говорить Писаніе: *и се Ангели приступиша и служаху ему* (Мате. 4, 11). Стоитъ же предъ нимъ свѣщеносецъ съ возженою лампадою; ибо Господь говоритъ: *азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12), и объ Апостолахъ подобнымъ же образомъ говоритъ: *вы есте свѣтъ міру* (Мате. 5, 14), и: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки* (— 16). Во время пребыванія архіерея внѣ святаго олтаря, двери олтаря остаются отворены, являя собою врата небесныя, которыя отверзло пришествіе Христово въ міръ. Почему Господь и сказалъ: *отсель узрите небо отверсто и ангелы Божіи восходяща и нисходяща надъ сына человѣческаго* (Іоан. 1, 51). И поелику, какъ скоро Господь исполнилъ проповѣдь Евангелія, Онъ взошелъ къ Отцу своему, по Егоже собственнымъ словамъ: *дѣло совершихъ, еже далъ еси мнъ, да сотворю, нынъ же къ тебѣ гряду* (— 17, 4. 11); то и архіерей, послѣ: *премудрость прости*, грядетъ, чтобы войти во святое святыхъ, преподавъ предварительно благословеніе міру, такъ какъ и Христосъ, возносимый на небеса, *воздвигъ руць благослови учениковъ своихъ* (Лук. 24, 50). Вошедши онъ цѣлуясь святыя иконы, чтобы показать, что чрезъ Христа мы примирились съ Богомъ и Отцемъ,—и так. обр. входить, образуя то, о чёмъ говорить Павелъ, —что не *въ рукотвореннаѧ святаѧ вниде Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 9, 24). Когда Христосъ *даже до Вет-*

*хаго денми дойде и предъ него приведеся, какъ говорить Даніиль, ему дадеся власть и честь и царство (—7, 13. 14), т. е. та неотъемлемая слава, которую Онъ имѣлъ и до вочеловѣченія и которой Онъ, находясь еще въ мірѣ, просилъ у Отца своего, говоря: и нынъ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самаго славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5). Поэтому ангелы, поклоняясь Ему, воспѣли свою пѣснь, которую и прежде Его славили, т. е.: *святъ, святъ, святъ*, не прилагая и не отъемля ничего отъ трисвятаго славословія. Подражая имъ, и мы — церковь изъ язычниковъ—поемъ трисвятую пѣснь, заимствуя слова: *святый, святый, святый*, отъ Серафимовъ (Ис. 6, 3), которыхъ видѣлъ и слышалъ Исаія, а слова: *Боже, кръпкій, бессмертный*,—отъ Пророка Давида, который говоритъ: *возжада душа моя къ Богу, кръпкому, живому* (Пс. 41, 31),—чтобы показать, что и ангелы и люди составили одну Церковь и отъ тѣхъ и другихъ согласно воздается Христу одна и также хвала. Но такъ воспѣваетъ Господа нашего Іисуса вмѣстѣ со Отцемъ и Св. Духомъ народъ; а іерархъ, показывая, что это дѣло есть тайна, держитъ надъ Евангеліемъ трикирій только съ двумя возженными свѣчами, съ цѣлію выразить, что пѣснь та возсылается къ двумъ естествамъ Богочеловѣка. А какъ мы научены отъ божественныхъ словесъ славить Христа вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ; то снова возжигаетъ третію свѣчу,*

выражая тѣмъ, что Иисусъ, спокланяемый Отцу и Духу, ясно научилъ насть таинству святыя Троицы. Послѣ того, исходя съ трикиріемъ къ народу, архіерей благословляеть и преподаетъ Божественные дары совокупно отъ трехъ чистасей животворящей Троицы; ибо написано: *возшедъ на высоту*, т. е. на небо, (Иисусъ) сперва *пльнилъ* крестомъ *пльнъ*, въ которомъ мы находились, а потомъ *даде даянія человѣкомъ*, т. е. дарованія Духа (Пс. 67, 19). Преподавъ благословеніе, архіерей идетъ и возсѣдаетъ на тронъ, при чемъ отлагаетъ омофоръ, показывая, что Христосъ принесъ овча, т. е. человѣка, и предалъ оное Отцу своему. Потому *Отецъ Его и превознесе и посади одесную себе на небесныхъ, превыше всякаго начала и власти и силы и господства и всякаго имени, именуемаго не точию въ вѣць семъ, но и въ грядущемъ, и вся покори ногъ нозъ его* (Еф. 1, 21. 22). Объ этомъ и Давидъ предвозвѣстилъ, говоря: *рече Господь Господеви моему, сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. 109, 1). Тогда согласно съ этимъ провозглашаются имена царей, между тѣмъ какъ патріархъ или другой архіерей сидить, а прочие стоять какъ на молитвѣ,—и это провозглашеніе дѣлаютъ трижды священнослужители въ олтарѣ, а пѣвцы вѣтъ, въ хорѣ.

Далѣе за таинствами, о которыхъ мы сказали, слѣдуетъ эктенія вообще о всѣхъ христіанахъ и за нею непосредственно другая — объ

оглашенныхъ, которые еще не крещены. Когда же скажутъ: *да и ти съ нами славятъ*, распространяется антиминсъ, такъ какъ онъ означаетъ гробъ Господень, который Іосифъ, какъ оглашенній и еще не совершенный ученикъ, изсѣкъ изъ камня для себя собственно (антиминсъ есть какъ бы пещера), но въ-послѣдствіи посвятилъ Христу. Отъ этихъ молитвъ мы обращаемся потою къ таинству креста,—и іерархъ, находя Іисуса на предложеніи, какъ бы распятаго на Голгоѳъ, кадить все святилище въ благодареніе за такой даръ Божій, при чемъ говорить: *помилуй мя, Боже, до: ублажи Господи.* Остальное же онъ говорить послѣ поставленія божественныхъ даровъ на святую трапезу. Затѣмъ, обнаживъ голову отъ митры, вынимаетъ частицы за царей, архіереевъ и народъ и остается непокровеннымъ до тѣхъ поръ, пока не будуть приняты святые дары. А такъ какъ онъ носитъ образъ Христа; то самъ не выносить святыхъ даровъ, но даетъ священнику, или діакону, которые являются собою Іосифа и Никодима. Въ это время воздухъ указываетъ собою на плащаницу, а другіе два покрова—на сударь, которымъ обвили голову Христа, и на прочія погребальныя пелены или повязки. Несется между тѣмъ кадильница въ означеніе смирны и алоя, которыя купили совершившіе погребеніе и которыми умастили они тѣло (Господа). И поелику они не погребли Его на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ крестъ, но перенесли въ садъ,—и въ немъ-то

была пещера, а въ пещерѣ гробъ; то священникъ идеть отъ предложенія, какъ бы отъ Голгоѳы, исходить со святыми дарами вонъ изъ церковь, сопровождаемый и спереди и сзади свѣтильниками, которые озпачаютъ и предтекшихъ Пророковъ и послѣдовавшихъ Апостоловъ,—и, воспоминая о разбойнике, который не задолго передъ тѣмъ рѣшился сказать: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ* (Лук. 23, 42), молится за весь народъ, говоря: *всъхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ*; подобнымъ образомъ молится и народъ о томъ же самомъ со всякимъ благоговѣніемъ и уничиженіемъ, поклоняясь до самой земли, не потому, конечно, чтобы въ святыхъ дарахъ видѣлъ дары уже совершенные, но потому, что скорбить въ чувствѣ смиренія, воспоминая о своихъ грѣхахъ и прося изъ глубины души, подобно разбойнику, ради смерти Христовой, ихъ отпущенія. Тѣло Господа Іисуса, бывъ внесено въ святый олтарь, даетъ намъ случай припомнить таинства Его погребенія. Антиминсъ при этомъ изображаетъ уже гробъ, какъ мы сказали, святая трапеза—садъ, покровъ чаши, которую священникъ поставляетъ на антиминсъ, — плащаницу, покровъ дискоса — сударь, бывшій на головѣ Іисуса, почему онъ и свертывается и полагается также на антиминсъ на особое мѣсто, воздухъ, означавшій до настоящаго времени плащаницу, берется уже въ значеніи большаго камня, который Іосифъ привалилъ къ двери

гроба, и ногому имъ покрываюгся святые дары. Между тѣмъ кадять, опять въ знаменование смирны и алоя, и запираютъ двери какъ верхнія, такъ и нижнія, означая нижними сокровенное схожденіе Иисуса во адъ, а верхними — стражу, которую приставили Иудеи къ гробу, чтобы не пришли ученики и не украли тѣла Иисусова. Бываетъ же на верху воздуха и звѣзды для означенія печати, которую они положили, *знаменавше камень съ кустодією* (Мате. 27, 66). Послѣ того слѣдуютъ опять молитвы. Когда Иисусъ восхотѣлъ явить воскресеніе свое; произошло сильное землетрясеніе и вмѣстъ съ шимъ гробъ отверзся, а стражи отъ страха разбѣжались. Поэтому, когда діаконъ говоритъ: *двери, двери, премудростію сонмемъ*, священники беруть воздухъ и колеблютъ имъ надъ гробомъ, а къ нему приникаетъ архіерей. Вмѣстъ съ этичъ отворяются верхнія двери олтаря, означая отверзтіе гроба, землетрясеніе и бѣгство стражей и то, что архіерей спогребается Христу, чтобы съ Нимъ и воскреснуть. Потому священники и снимаютъ воздухъ съ головы іерарха; а народъ тогда говорить символъ православной вѣры нашей, такъ какъ главнѣйшія изъ таинствъ вѣры нашей суть смерть и воскресеніе Господа нашего; послѣ чего слѣдуетъ и остальное. Снимается печать, которую изображала звѣзды, какъ скоро начинаютъ пѣть ангельскую пѣснь: *свѧтъ, свѧтъ, свѧтъ Господь Саваоѳ*, поелику бѣловидные ангелы послужили всему этому,—и опять на-

чишаются молитвы умилостивительныя и благодарственныя и совершаются освященіе честныхъ даровъ, чтобы вѣрные христіане могли пріобщиться совершенного тѣла и крови Христовой. Но прежде святаго пріобщенія, чтобы представить образъ воскресенія, какъ п другихъ таинствъ, священникъ немногого поднимаетъ святой хлѣбъ надъ дискосомъ, показывая тѣмъ, что возсталъ Господь, и Его словами паучаетъ Христіанъ молиться о принятіи сихъ страшныхъ тайнъ; поелику такие святые дары и подаются только святымъ. Потомъ, когда священныя лица пріобщатся внутри олтаря, какъ Апостолы на тайной вечери, священникъ или архіерей исходитъ къ народу съ одною чашею, такъ какъ въ ней бывають смищены оба вида тѣла и крови Господа, которые Господь преподалъ намъ для пріобщенія, притомъ тѣмъ и другимъ,—и пріобщаетъ народъ по священному преданію. Этимъ онъ означаетъ впрочемъ и то, какъ Иисусъ, воскресши изъ гроба, явилъ Себя живымъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всему міру. Но такъ какъ Онъ не постоянно обращался съ своими учениками, какъ—и прежде страданія, но въ теченіе сорока дней то являлся, то скрывался отъ взоровъ ихъ (поелику, послѣ воскресенія, у Него было тѣло прославленное); то священникъ опять вносить въ олтарь святые дары и показываетъ тѣмъ, что Христость, воскресши изъ мертвыхъ, иногда не являлся міру. Послѣдній же разъ Онъ явился Апостоламъ на горѣ Елеонской, съ которой воз-

нечая. Поэтому и священникъ, опять обращаясь къ народу съ святыми дарами, громко говоритъ: *всегда, нынъ и присно и во вѣки вѣковѣ*, и тѣмъ указываетъ на вознесение Господа на небеса. Послѣ этихъ заключительныхъ словъ и дѣйствій онъ переносить тѣло Христово съ святой трапезы на священное предложеніе, какъ бы съ земли на небо,— и тогда трапеза дѣлается какъ бы престоломъ Бога и Отца, а предложеніе какъ бы съ десной стороны сѣдалищемъ величествія на высокихъ. А такъ какъ Господь явилъ ученикамъ своимъ свою волю, что они во царствіи Его будутъ въсѣдатъ за трапезою Его, вкушая и пія вмѣстѣ съ Нимъ оныя таинственные сиѣди и новыя питія, которые означилъ въ словахъ: *не имамъ пити отнынъ отъ плода сего лознаго, до дне того, егда е пію съ вами ново во царствіи Отца Моего* (Мате. 26, 29): поэтому священникъ или діаконъ идетъ опять и пріобщается другой разъ тѣла и крови Господа, такимъ образомъ *потребляя*, какъ говорится, святые дары, въ означеніе будущаго таинственного и послѣдняго пиршства. Въ послѣдствіи, послѣ отшествія Христа изъ этого міра, оставалась еще въ немъ для утѣшенія вѣрующихъ Дѣва Марія: потому отъ просфоры, изъ которой произошелъ агнецъ, раздѣляется народу такъ называемый антидоръ, во образъ Пресвятой Богородицы, — и такимъ образомъ вмѣстѣ съ священною литургіею заключаются и всѣ таинства домостроительства воплощенія.

Но, поелику тѣло святаго пріобщенія имѣстъ иѣкоторыя неотъемлемыя принадлежности, которыя требують толкованія, то мы, возврашаясь къ прежнему, продолжаемъ. Архіерей, намѣреваясь пріобщиться, снимаетъ митру, такъ какъ тогда онъ носить образъ уже не Царя Христа, а человѣка, подлежащаго немоющи и проникнутаго смиреніемъ,—и стоитъ съ непокровленною головою, пока не совершить священаго преполанія (даровъ). Чтобы представить образъ воскресенія, для того, поднявъ освященный хлѣбъ отъ жертвенника, онъ раздѣляетъ его на четыре части; потому что этотъ хлѣбъ есть тѣло Христово, которое раздѣляется и раздробляется для вѣрныхъ, безъ оскудѣванія благодати обожженої плоти, о чёмъ Христосъ сказалъ: *сіе есть тѣло мое, за вѣ ломимое* (Кор. 11, 24). Затѣмъ священникъ одну изъ четырехъ частей напояетъ, влагая въ святой потирь; такъ какъ въ воскресеніе сойдутся и сплетутся всѣ члены человѣческаго тѣла и составятъ одно. Потомъ вливаетъ теплой воды, говоря: «*теплота исполнъ вѣры*» и пр., и присовокупляя: *божественная баня паки-бытия*, — прежде всего, чтобы показать, что Духъ Св., который въ божественномъ Писаніи обыкновенно изображается подъ символами огня и рѣкъ, воды, есть собственно причина, которая произведетъ воскресеніе; потому и говорить: *послеши Духа твоего и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 105, 50);—далѣе дая того, чтобы кровь и воду сдѣлать на

вкусъ теплыми, какъ то было, когда они пропастекли отъ ребра Іисуса Христа, дабы такимъ образомъ дать намъ представить, что онъ исходять изъ живаго тѣла;—въ третьихъ, чтобы показать, что эти два вида, т. е. кровь и вода, привлекаютъ къ намъ благодать Божію въ святомъ крещеніи и въ божественномъ пріобщеніи, запечатльвая нась Духомъ Святымъ. Послѣ того пріобщается архіерей первымъ, говоря таинственныя молитвы, которыхъ требуетъ причастіе, особенно же молитву: *върную, Господи, и исповѣду, яко ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго*,—это собственныя слова, сказанныя Петромъ въ отвѣтъ Іисусу, когда Онъ спросилъ Апостоловъ, что они думаютъ о Немъ: *и рече, ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мате. 16, 19). Это — потому, что хлѣбъ, котораго мы причащаемся, есть Самъ Христосъ, котораго зрели тогда Апостолы и о которомъ свидѣтельствовали. Съ этою вѣрою и подобающимъ благоговѣніемъ и страхомъ, какъ приемлющи своими устами плоть и Божество Іисуса и совокупляющійся со Христомъ, онъ пріобщается святаго хлѣба однажды, т. е. за одинъ приемъ, а святой чаши въ три приема, говоря: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; потому что, когда Христосъ приходитъ обитать въ человѣкѣ, приходитъ не одинъ, но со Отцемъ и Духомъ. Подобнымъ образомъ пріщаются и прочие архіереи и священники и діаконы, при чемъ іерархъ преподаетъ имъ однажды хлѣбъ и трижды чашу, но во время пре-

подаванія уже имѣеть на себѣ митру или ки-  
даръ, во образъ верховнаго первосвященника—  
Іисуса. Послѣ Божественнаго пріобщенія, діа-  
конъ, взявъ дискосъ и читая воскресныя пѣсни,  
именно: *воскресеніе Христово видѣвшее; свѣ-  
тился, свѣтился, новый Іерусалимъ; о пас-  
ха велия и священныиша я, Христе,* — собира-  
етъ губкою останки тѣла Христова и ссыпа-  
етъ ихъ съ дискаса въ потиръ, вмѣстѣ со всѣми  
частицами святыхъ и людей, живыхъ и усоп-  
шихъ. За это сильно укоряютъ насъ Латиняне,  
какъ будто мы смышиваемъ чрезъ то людей съ  
обоженнымъ тѣломъ Христа; но безукоризненная  
и православная наша Церковь— выше такихъ обви-  
неній. Невозможно, чтобы какойбы то ни было че-  
ловѣкъ сталъ Богомъ по естеству, какъ то дѣлает-  
ся съ преиѣненнымъ хлѣбомъ чрезъ Духа Свя-  
таго; но если онъ и прильпляетъ къ Іисусу и два  
соединяются во едино, какъ бываетъ, когда чело-  
вѣкъ пріобщается сихъ Божественныхъ таинъ,  
то не измѣняетъ своего естества въ Божествен-  
ное, а только приемлетъ благодать отъ Христа,  
остается же по прежнему человѣкъ человѣкомъ.  
И хотя приемлетъ и благодать Божества, но  
не дѣлается Богомъ по естеству, какъ Христосъ,  
а по благодати. Поэтому священику надлежитъ  
быть внимательнымъ къ тому, чтобы не препо-  
дать какому-либо христіанину въ причастіи час-  
тицъ за людей, дабы онъ не могъ впасть въ  
идолопоклонство. Намѣреніе же Церкви, съ ка-  
кимъ она влагаетъ частицы за людей въ потиръ,  
то, чтобы честною кровію Владыки омыть грѣ-

хи поминаяемыхъ, и этихъ частицъ можетъ быть столько, сколько угодно. И Іоаннъ, когда стоялъ при крестѣ, поднесъ сосудъ къ язвамъ Іисуса, только для того, чтобы Его кровію омыть хотя одного грѣшника. Потому и этотъ человѣкъ не сдѣлся тогда Христомъ по естеству, но только очистился и омылся отъ грѣха кровію Христовою. Такимъ образомъ многіе въ нашей епархіи, которые понимаютъ настоящее намѣреніе Церкви, когда влагаются частицы въ потиръ, сряду послѣ пѣсней воскресныхъ, говорятъ слѣдующія слова: *отмый, Господи, грьхи поминавшихся здѣ кровію твою честною, молитвами святыхъ твоихъ.* Впрочемъ, хотя и не всѣ говорятъ это; но на томъ основаніи, что кровь Христа имѣть силу очищать скверны вѣроящихъ, мы утверждаемъ, что она всегда имѣть свою дѣйственность, будемъ ли мы произносить тѣ слова или пѣть, и въ этомъ состоить вся спла священства. Поэтому, когда священникъ приносить Богу эту жертву и молить о душевномъ спасеніи какого-либо человѣка, живаго или усопшаго; онъ надѣется не на силу своей добродѣтели для получения просимаго, а на силу и благодать Владыки, пролившаго за насть кровь. Сюда-то относятся слова Пророка Захаріи, который говоритъ: *и ты въ крови завѣта твоего испустилъ если узники твоя отъ рова не имущаго воды (9, 11).* Такимъ образомъ не только во время распятія Спасителя Его кровь, пролитая на крестѣ, извела изъ ада Его рабовъ, но

и теперь сія кровь новаго завѣта, изливаемая таинственно на Божественной літургіи, освобождает и усопшихъ изъ ада, за которыхъ приносится эта жертва, и живыхъ отъ всякаго душевреднаго нападенія діавола. Эта кровь не имѣть оғь той никакого отличія, но — совершенно тоже, что и та. Таковъ чинъ, котораго мы держимся относительно літургіи, котораго, надѣюсь, и вы держитесь, а если и допускаете въ чемъ-либо разность, то согласитесь и будьте съ нами за-одно относительно этого чиноположенія, которое мы, какъ оно изъ начала предано, неизмѣнно соблюдаемъ,—да единими устами и единствомъ сердцемъ славимъ единаго Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа и самого единороднаго Сына Его со всесвятымъ Духомъ.

